

УДК 94(437)(328)“1930”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/9

Белорусское Полесье как объект этнокультурной инженерии Польши в 1930-е гг.: медийные аспекты (на основе материалов Государственного архива Брестской области)

К.В. Шевченко

Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске

Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21

e-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

Содержится анализ наиболее важных аспектов этнокультурной политики межвоенной Польши в отношении коренного восточнославянского населения Полесского региона на примере публикаций местной русскоязычной прессы и отношения к ним со стороны местных польских властей в 1930-е гг. Особое внимание уделяется газете «Под небом Полесья», издававшейся на русском литературном языке в конце 1931 – начале 1932 гг. в г. Пинске Полесского воеводства межвоенной Польши. Кроме этого, проанализированы публикации еще нескольких периодических изданий на русском языке, издававшихся в г. Пинске. Публикации газеты «Под небом Полесья» активно пропагандировали общерусскую идентичность и русскую культуру, рассматривая белорусов, украинцев и русских с точки зрения триединого русского народа. Кроме того, публикации данной газеты содержали осторожную критику политики польских властей в национальном вопросе, а также в вопросах, связанных с проведением переписи населения, и побуждали местное восточнославянское население к сохранению своего языка, культуры и национальной самобытности. Поскольку содержание публикаций газеты «Под небом Полесья» было неприемлемо для польских властей, стремившихся к полной и окончательной полонизации белорусского населения восточных воеводств Польши, местная администрация с самого начала проводила последовательную политику административного давления на данную газету. В результате газета «Под небом Полесья», несмотря на значительный рост популярности среди местного населения, была закрыта. Аналогичная политика

административного удушения неугодных печатных изданий на русском языке проводилась и по отношению к другим газетам Полесского региона. Таким образом, этнокультурная политика польской администрации в Полесском регионе в медийной сфере выразилась в системном подавлении прессы на русском языке, отстаивавшей идеи цивилизационного единства восточнославянских народов.

Ключевые слова: общерусская идентичность, полонизация, Полесье, Пинск, этнокультурная инженерия, национальная идентичность

The Belarusian Polesie as an object of Poland's ethnocultural engineering in the 1930s: Media aspects (based on the materials of the State Archive of Brest Region)

K.V. Shevchenko

Branch of Russian State Social University in Minsk
Narodnaya Street 21, Minsk, Republic of Belarus, Беларусь, 220107
e-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

The article analyzes the most important aspects of the ethno-cultural policy of the interwar Poland in relation to the indigenous East Slavic population of the Polesie region in the 1930s on the example of publications of the local Russian-language periodicals and the attitude towards them by the local Polish authorities. Particular attention is given to the newspaper *Pod nebom Poles'ya*, published in the Russian literary language in the late 1931 – early 1932 in Pinsk, Polesie Voivodeship of the interwar Poland. The publications in *Pod nebom Poles'ya* actively promoted the all-Russian identity and Russian culture, considering Belarusians, Ukrainians, and Russians from the point of view of the triune Russian people. In addition, the newspaper voiced cautious criticism of the national policy of the Polish authorities and the population census to encourage the local East Slavic population to preserve their language, culture, and national identity. Since the content of the publications in *Pod nebom Poles'ya* was unacceptable to the Polish authorities, striving for the complete and final Polonization of the Belarusian population of the eastern provinces of Poland, the local Polish administration pursued a policy of administrative pressure on the newspaper. As a result, *Pod nebom Poles'ya* was closed, despite its high popularity with the local people. A similar policy of administrative strangulation of objectionable Russian-language

periodicals was carried out in relation to other newspapers of Polesie. Thus, the ethnocultural policy of the Polish administration in Polesie in the media sphere was based on in the systemic suppression of the Russian-language press, which defended the ideas of the civilizational unity of the East Slavic peoples.

Keywords: All-Russian identity, Polonization, Polesie, Pinsk, ethnocultural engineering, national identity

Широкое распространение общерусской идентичности в этнически непольских восточных воеводствах межвоенной Польши, населенных в основном восточнославянскими народами, были вынуждены неоднократно признавать польские власти вопреки официальной трактовке данных областей как исконно польских. Так, в подготовленной в 1930 г. чиновниками управления Полесского воеводства в Бресте аналитической записке о деятельности Русского национального объединения на территории Полесья констатировалось, что «русский этнический элемент в Полесье составляет не более 1 % населения, не превышая 12 000 человек, в основном из числа интеллигенции. Однако, несмотря на незначительную численность этнических русских, русское влияние на территории Полесья выглядит довольно сильным, – признавалось в документе. – Это является результатом действия ряда причин, в основном длительной и систематической русификацией населения Полесья царскими властями, а также русификаторской деятельностью православного духовенства» [1]. Авторы аналитической записки отмечали, что политическая деятельность Русского национального объединения в Полесье активизировалась перед выборами в Сейм в 1928 г., при этом русская агитация, «поддержанная православным духовенством, добилась серьезного успеха, что выразилось в завоевании мандата в пинском избирательном округе» [1].

Ярким и убедительным проявлением общерусской идентичности в межвоенной Польше была русскоязычная пресса, издававшаяся в крупных городах этнически непольских восточных воеводств Второй Речи Посполитой, прежде всего в Вильно, а также во Львове, где, несмотря на массовые репрессии австро-венгерских властей против галицко-русского движения и террор в отношении русинского населения во время Первой мировой войны, сохранялись очаги русской культурной и общественной жизни.

Важным инструментом борьбы официальной Варшавы с общерусской идентичностью населения западнобелорусских земель были преследования и различные формы дискриминации русской прессы. Дискриминация прессы на русском литературном языке польскими

властями имела самые разнообразные проявления, включая административные препоны и прямые запреты на распространение некоторых изданий в Польше. Так, 23 августа 1937 г. управление Полесского воеводства информировало старост всех поватов данного воеводства о решении Министерства внутренних дел Польши запретить подписку на издававшуюся в г. Ужгород (Чехословакия) «Русскую народную газету», а также на «Евразийскую хронику», издававшуюся на русском языке в Берлине. В документе несколько туманно объяснялось, что запрет на распространение данных изданий связан с тем, что «их содержание обнаруживает признаки преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе» [2]. Ранее был введен запрет на ряд газет, журналов и книг, изданных в СССР.

Крайне подозрительный и откровенно дискриминационный подход польские власти демонстрировали в отношении периодических изданий на русском языке в восточных воеводствах Польши, опасаясь их нежелательного для Варшавы влияния на местное белорусское население. Издание прессы на русском языке на территории этнически непольских восточных воеводств постоянно привлекало пристальное внимание польской администрации вплоть до высших государственных чиновников, которые бдительно следили за содержанием русскоязычных изданий с точки зрения их соответствия государственным интересам Польши. Ярким примером подобного отношения польской администрации к русской прессе является попытка активиста русского движения в г. Пинск Полесского воеводства П. Хинича начать издание русскоязычной газеты «Под небом Полесья». Официальная декларация Хинича о намерении издавать подобную газету была направлена старосте Пинского повата Полесского воеводства 12 октября 1931 г., при этом в документе указывалось, что газета будет содержать информацию экономического, общественного и культурного характера, что издание будет стоять на почве польской государственности и что местом издания будет г. Пинск. В качестве адреса редакции газеты указывалась улица Пилсудского, 17 [3].

Спустя два дня после получения данной декларации староста Пинского повата В. Болдок направил 14 октября 1931 г. полесскому воеводе В. Костек-Бернацкому конфиденциальное донесение, в котором характеризовал редактора будущей газеты П. Хинича как активиста русских организаций, принимавшего участие в выборах в сейм в 1928 и в 1930 гг. и как корреспондента русской виленской газеты «Наше время». Особое внимание староста обращал на стремление Хинича расширить с помощью газеты свое влияние на местное сельское население. По словам старосты, свою агитацию среди населения Хинич проводит «в национально русском духе» [3]. В своем следую-

щем донесении полесскому воеводе от 28 октября 1931 г. пинский староста сообщал о том, что первоначально он «не препятствовал» Хиничу в организации его издания, поскольку это, по словам старосты, могло бы создать впечатление у местного русского общества об административном преследовании русской национальной жизни со стороны польского правительства, тем более, что Хинич декларировал намерение стоять на почве польской государственности. «По этим соображениям я принял решение, не препятствуя появлению газеты со стороны властей, уничтожить её путем деструктивных мер... и тем самым навсегда парализовать её существование в будущем» [3], – откровенно делился своими планами с полесским воеводой пинский староста.

Содержание и направленность первых нескольких номеров газеты «Под небом Полесья» не могли не вызвать сильнейшего раздражения польской администрации. Так, в статье о населении г. Пинска указывалось, что из 30 470 жителей города 19 597 составляют евреи, 7 249 – поляки, остальные – русские, к числу которых газета отнесла «белоруссов, украинцев и великоруссов» [12: 1]. Таким образом, белорусы и украинцы вполне в духе западнорусизма трактовались газетой как составная часть единого русского народа, что было неприемлемо для польских властей. Немалую озабоченность местной польской администрации, судя по всему, вызвало и опубликованное на страницах газеты сообщение её редакции о том, что успех издания «превзошел все наши ожидания... В первый же день мы приобрели весьма значительное число подписчиков. В редакцию нашу ежедневно поступают приветственные и сочувственные письма...» [12: 1].

Второй номер газеты «Под небом Полесья» в рубрике «Из польской печати» ознакомил своих читателей с содержанием публикаций польской прессы о положении в восточных воеводствах Польши. Так, по словам газеты, краковское издание «Иллюстрированы Курьер Цодженны» в одной из своих публикаций «горько жалуется, что русские переполняют учительские должности в польских школах на Восточных Кресах, и поэтому призывает живые силы польского общества и молодых учителей идти работать на Восток – туда, – иронично замечал «Под небом Полесья», – где, по его словам, дикое московское хозяйничанье, насилия Муравьева и большевизм уничтожили приобретения целых польских поколений» [12: 2]. Редакция «Под небом Полесья» предпочла благоразумно воздержаться от прямой полемики с польскими изданиями, однако содержание польских публикаций излагалось на страницах газеты с нескрываемой иронией и сарказмом.

Крайне раздражающей для польских властей, судя по всему, стала статья о предстоящей в Польше переписи населения, опубликованная в третьем номере газеты. Констатируя, что «для нас, русских, предстоящая 9 декабря сего года всеобщая перепись населения... будет иметь огромное значение», газета самокритично замечала, что «русские теперь, при польской власти, являются гораздо менее устойчивыми национально, чем были поляки даже в самую тяжелую для них пору национальных и религиозных преследований» [13: 1]. В связи с этим газета призывала своих читателей указывать в ходе переписи в качестве родного только русский язык: «Пусть же каждый русский знает и помнит, что указания агентам по переписи языка русского (*rosyjskiego*) как родного не является чем-то маловажным, а исполнением долга перед лицом национальных и культурных интересов русского меньшинства в Польской республике» [13: 1].

Борьба за сохранение русской культуры и общерусской идентичности была центральной темой газеты. В статье «О самом больном» редакция газеты обращалась к актуальной и весьма болезненной теме растущей полонизации русского населения в Польше. «Как это ни печально, но даже там, где не исключена возможность воспитания по своему усмотрению, в среде состоятельных, имущих русских, нередко польский язык и польская книга доминирует в ущерб русской, – отмечала газета и, обращаясь к родителям, призывала, – изучение и знание польского языка не должно вести к забвению своего родного языка – русского... Не забывайте, что, теряя русскую речь, ваши дети одновременно с этим теряют свою национальность» [13: 2].

Редакция газеты «Под небом Полесья» стремилась всячески популяризировать русские культурно-просветительские проекты и инициативы в межвоенной Польше. Так, в четвертом номере газеты подробно сообщалось об открытии при отделе Русского благотворительного общества в г. Барановичи русской начальной школы, а также курсов русского языка при ковельском отделе Русского благотворительного общества. При этом редакция газеты выражала надежду, что и «пинский отдел РБО, являясь представителем местной русской общественности, не останется в долгу и употребит все усилия для создания какого-либо русского очага, откуда бы подрастающее поколение наше могло бы черпать силы для своего национального и духовного роста» [14: 1].

Судя по публикациям газеты «Под небом Полесья», русские культурные мероприятия пользовались большой популярностью среди жителей Пинска. «Кружком русской молодежи города Пинска устроен был 6.XI в театре бр. Гольцман благотворительный концерт-вечер. В программу вечера вошли: оперетка «Иванов Павел»... затем хор

балаалаечников и первое публичное выступление пинских поэтов. Кроме того – танцы до утра, – сообщала газета 15 ноября 1931 г. – С художественной и материальной стороны вечер вполне удался и привлек много публики, среди которой были представители польского общества, а также немало еврейской молодежи» [13: 2].

Большое место на страницах «Под небом Полесья» уделялось критике русской интеллигенции в межвоенной Польше. Среди многочисленных грехов русской интеллигенции газета отмечала «отсутствие русского патриотизма, самооплевание, неумение ценить великие достижения русской культуры, равнодушие к своей святой Вере... Но самым тяжелым грехом ее надлежит признать неумение в тяжелых условиях жизни на чужбине, в рассеянии, сохранить свое национальное русское лицо» [15: 1].

Анализируя положение русского населения в межвоенной Польше, газета проводила любопытные параллели с германизацией чехов в Габсбургской империи и с полонизацией западнорусской шляхты в Речи Посполитой после Брестской церковной унии 1596 г. «Чешское возрождение начала XIX в. было сильно затруднено тем, что чехи фактически не имели интеллигенции: она вся после Белой Горы онемечилась. То же относится к литовской и русской шляхте, после Брестской унии совершенно ополячившейся... Теперь мы являемся свидетелями аналогичного явления, – констатировало «Под небом Полесья», – наши русские богачи, как у нас на Полесьи, так и везде в Польше – стесняются своей родной речи, зачастую отвечают по-польски своим же русским... не говоря уже о том, что не только пальцем о палец не ударят, чтобы помочь немногочисленным самоотверженным русским общественным деятелям в тяжелой, жертвенной национально-русской работе, но живут вдали от живого биения пульса русской жизни и предпочитают польскую среду и польское общество – обществу русскому. Такая позиция нашей имущей интеллигенции является подлинным предательством по отношению к русскому делу, русской культуре, русскому народу» [15: 2]. Сетовала газета и по поводу традиционных русских пороков, сожалея, что «наше обычное русское разгильдяйство, наша лень, наша национальная обломовщина мешают выдвинуться хоть несколькими русскими людям с инициативой, с энергией и умением прилежно и самоотверженно работать» [17: 1].

Подготовка к проведению очередной переписи населения в Польше в декабре 1931 г. актуализировала интерес редакции газеты «Под небом Полесья» к механизму проведения переписей и к этнонациональной политике польских властей на территории Полесья в целом. Особое внимание газета уделил феномену новых национальностей «полешуков» и «тутэйших», обнаруженных предыдущими польскими

переписями на территории Полесского воеводства. По ироничному замечанию газеты, о существовании подобных народностей ранее «не догадывались историки и этнографы ни польские, ни русские» [16: 2]. Так, по данным переписи населения, проведенной польской администрацией в 1919 г. в подконтрольных ей белорусско-литовских областях, на территории Полесья было зафиксировано 116 965 тех, кто заявил о себе как о «тутэйших»; при этом на территории Виленского воеводства их число составило 37 089, а на территории Минщины – 37 927 [22: 31]. Примечательно, что явление «тутэйших» и «полешуков» было характерно в основном для сельской местности; в крупных городах перепись таковых не зафиксировала. Последующие переписи населения в Польше указывали на постоянный рост «полешуков» и «тутэйших» на территории Полесья. По данным переписи 1931 г., число «полешуков» на территории Полесского воеводства составило уже 710 870 человек, или 63,1% от общей численности населения Полесского воеводства [4].

В отличие от польских чиновников, объяснявших появление «полешуков» и «тутэйших» исключительно низкой степенью национального самосознания местного славянского населения Полесья, не способного отнести себя к какой-либо из общепризнанных национальностей, редакция газеты «Под небом Полесья» усматривала одну из главных причин данного явления в текущих политических факторах, а также в этнокультурной политике властей. По словам издания, в ходе переписи население часто не могло или по каким-либо причинам не желало причислить себя к известным национальностям. В ответ на вопрос о национальной принадлежности местные жители часто отвечали, что в составе России «они были русские; перешли под Польшу, стало быть, стали польские»; при этом счетные комиссары в данном случае охотно указывали польскую национальность [16: 2]. Газета обоснованно подчеркивала, что «большую роль в этом «самоопределении» сыграли переписчики своими наводящими вопросами, своей субъективной пристрастностью к известной народности» [16: 2]. Тем самым издание давало понять, что официальная численность поляков на территории Полесья искусственно завышена за счет местного непольского населения.

Комментируя широко распространенное нежелание местного населения отнести себя к общепринятым национальностям и самоопределение его значительной части как «тутэйших» или «полешуков», газета не без иронии замечала: «Хитер наш полешук! Исторические условия многих веков заставили его таким быть. Скажи, что русский, подумают: а, мы большевики! Время-то было – 1921 год, память о товарищах была очень свежа и еще недавно действовали на Полесьи

«карные» военные отряды... Население Полесья во время первой переписи не открыло полностью своего настоящего национального обличья, выявило очень слабое национальное самосознание и показало, что оно так или иначе хитрит по тем или иным причинам; что полешук остался «себе на уме». ...Об интеллигенции можно сказать то же самое. Иные записывали себя не так, как говорило их внутреннее национальное чувство, отчасти и страха ради, отчасти и оттого, как иные говорили: «стыдно быть русским после всего, что произошло, Русь оскрамилась» [16: 2]. Подводя итог своим рассуждениям об итогах польских переписей населения, газета, намекая на далекую от идеальной национальную политику официальной Варшавы, заключала: «Перепись даст только тогда верные сведения о национальностях, если все народности будут уверены, что они равноправны и им нечего бояться...» [16: 2].

Примечательно, что критика переписей населения в полеском регионе межвоенной Польши, озвученная на страницах «Под небом Полесья», в известной степени разделяется и авторитетными польскими историками. Так, Е. Томашевский отмечал, что перепись 1921 г. была отмечена рядом недостатков и прямых фальсификаций; при этом часто национальную принадлежность той многочисленной части населения Полесья, которая не могла сама определить свою национальность, определяли в основном сами счетные комиссары.

Судя по всему, польские власти по тактическим соображениям были заинтересованы в поддержке «полесской» идентичности, поскольку это могло быть использовано как инструмент для противодействия распространению у населения Полесья русской, белорусской или украинской идентичности. Примечательно в этой связи, что в подготовленной одним из чиновников управления Полесского воеводства аналитической записке о национальных группах на территории Полесья в 1931 г. говорилось, что «население Полесья, ведущее свое происхождение от древлян, не имеет ничего общего с теми племенами, которые положили начало русскому или украинскому народу... Археологические и антропологические исследования показали, что физический тип древних обитателей Полесья и современных полешуков серьезно отличается от типов русского и украинца. Наконец, язык современных полешуков содержит многочисленные особенности, чуждые русскому, украинскому и белорусскому языкам, и не может считаться диалектом данных языков. По отношению же к украинскому и белорусскому языкам он может быть с полным основанием признан равноправным с этими языками» [5]. Таким образом, некоторые польские чиновники, по сути, выступали сторонниками и даже идеологами

существования отдельного полесского народа, отличного от русских, белорусов и украинцев.

Подобные мысли не ограничивались лишь сферой абстрактного теоретизирования, имея вполне конкретное практическое воплощение. Так, 26 ноября 1926 г. орган Русской Народной Организации в межвоенной Польше, львовский еженедельник «Русский голос» опубликовал статью под названием «По случаю полесизации», где сообщалось об издании в Пинске газеты «на чистейшем полесском языке». По словам газеты, «уездный сеймик в Пинске – ничтоже сумняшеся – открыл «древнюю нацию – народ полесский». И не только открыл, но стал даже издавать специальную газету для этого до сих пор пребывающего в неизвестности «народа», – с иронией сообщал львовский «Русский голос». – Факт, в достаточной степени говорящий сам за себя! По-видимому, примеры Австро-Венгрии слишком еще стоят перед глазами польского правительства» [19: 2]. Поддерживаемый местной польской администрацией «полесский проект» в виде издания газеты на полесском диалекте «Русский голос» расценивал как очередную попытку подорвать общерусский «национальный организм» и «вытравить в русском народе его национальное сознание, сознание его великой культуры – его русскость» [19: 2].

Попытки польских властей издавать прессу на местном полесском диалекте, призванную содействовать становлению особой местной идентичности и одновременно распространять идеи лояльности к польскому государству, имели место и позднее. В 1928 г. в Пинске при поддержке местной администрации издавался еженедельник «Наша земля», который ставил своей задачей в условиях предвыборной кампании в сейм «освещать жизнь малоземельных крестьян» и разъяснять тем крестьянам, которые не могли читать по-польски, «что делается в стране» [9: 2]. Примечательно, что статьи в данной газете печатались как на местном полесском диалекте с активным использованием польской лексики, так и на литературном русском языке; при этом наиболее важные в пропагандистском отношении материалы редакция предпочитала публиковать именно на русском литературном языке. Тем самым редакторы проправительственного издания фактически признавали широкую распространенность и органичность русской культуры и языка для местного населения.

В содержательном отношении «Наша земля» выступала в качестве агитационного инструмента пилсудчиков в регионе, призванного повлиять на итоги выборов в сейм в данной части Полесья. «Будущее среднего и мелкого крестьянина – в сильном, демократическом государстве, установленном Маршалком Пилсудским» [9: 2], – подчер-

кивала «Наша земля» 19 января 1928 г. Объясняя жителям Полесья коварные козни окружающих Польшу враждебных государств, газета констатировала: «С момента заключения мира в Риге большевики приступили к пробуждению национализма белорусов и украинцев, направляя его острие против Польши. Россия и немцы стараются осуществить свои враждебные планы во время выборов. Для воздействия на селян украинских и белорусских плывут широким корытом гроши из Москвы и Берлина... Крестьяне и интеллигенция польская, белорусская и украинская должны объединиться с Беспартийным Блоком сотрудничества с правительством, чтобы изменить жизнь к лучшему... Все как один пойдем за Ним, за Маршалком Иосифом Пилсудским!» [9: 2].

Следующий номер газеты в еще большей степени являлся предвыборной агиткой. «Приближается момент выборов в Сейм... Должны ли мы слышать голоса коммунистов, сельроба или белорусской громады, которые за советские доллары принесли нам беду в тихую и спокойную полесскую деревню?» [10: 1], – писала «Наша земля» 29 января 1928 г., одновременно призывая всех полешуков «голосовать за список № 1 Беспартийного Блока сотрудничества с правительством Маршала Пилсудского... Долой фальшь и обман! Да здравствует Маршалек Пилсудский!» [10: 1].

Однако, несмотря на столь напористую и агрессивную пропаганду, ее реальное влияние на население Полесья было незначительным. «Фальшь и обман» прагматичный местный житель скорее усматривал именно в проправительственных публикациях «Нашей земли», что являлось закономерным следствием печальных социально-экономических реалий межвоенного Полесья. Как отмечал авторитетный польский историк Е. Томашевский, «на протяжении 18 лет польского правления в полесском регионе имело место ухудшение положения населения... Неудивительно, что на Полесье возникла поговорка «як прыйшли поляки, не стало хлеба и табаки»... В рамках польского государства Полесье имело характер колониальной территории» [23: 196].

Проявления этнокультурной инженерии со стороны польских властей были многообразны и отнюдь не ограничивались только Полесьем. Так, в 1930-е гг. на территории русинской Лемковщины в Западной Галиции польская администрация поддерживала этнокультурный проект, направленный на формирование особой лемковской идентичности у местного русинского населения, что было призвано воспрепятствовать распространению на Лемковщине русской или украинской идентичности [21: 391]. Конечной целью подобной политики была этнокультурная фрагментация восточнославянского

населения восточных провинций межвоенной Польши, призванная создать условия для его последующей полонизации.

Что касается Полесья, то еще одним проявлением ассимиляционной политики Варшавы в отношении данного региона были планы изменения административных границ между воеводствами в восточных областях Польши. В 1927 г. Министерство по военным делам Польши подготовило проект, предусматривавший образование нового Подлясского воеводства из западной части Полесского и восточной части Люблинского воеводств с центром в Бресте. Столицу Полесского воеводства при этом предполагалось перенести из Бреста в Пинск. Данная реорганизация, по словам Е. Томашевского, «была призвана усилить польское ассимиляционное влияние на часть населения Полесья и ограничить украинское влияние. Линия по реке Буг как предполагаемая польская этнографическая граница на востоке должна была быть перенесена значительно далее на восток...» [23: 12].

Публикации газеты «Под небом Полесья» явно противоречили политике Варшавы в данном регионе и вызывали нарастающее раздражение местной администрации. Пинский староста приложил все усилия для того, чтобы сдержать свое обещание полесскому воеводе уничтожить газету «Под небом Полесья» путем деструктивных административных мер. Уже в четвертом номере «Под небом Полесья» редакция сообщала читателям о том, что «наша газета... печатается уже не в Пинске... Все местные владельцы типографий как по щучьему велению отказались печатать ее у себя, ссылаясь на то, что у них семьи и что вообще им не интересно из-за кого-нибудь страдать. Не желая лишать куска хлеба жен и детей наших пинских типографщиков, мы списались с Вильно – и со второго номера газета наша печатается уже там...» [14: 1].

В результате синхронного отказа местных пинских типографий печатать газету несколько ее номеров вышли в белорусской типографии имени Скорины в Вильно, что было сразу замечено местными структурами безопасности. В своем донесении полесскому воеводе 18 ноября 1931 г. отдел безопасности управления Виленского воеводства отмечал «пророссийскую направленность» издателей газеты «Под небом Полесья», которая выразилась в том, что белорусы, украинцы и великорусы трактуются как части единого русского народа. «Подобную позицию, – отмечалось в донесении, – занимает и виленская газета «Наше время», которая утверждает, что языки белорусский и украинский находятся в таком отношении к русскому языку, как мазурский язык к языку польскому» [6]. Автор донесения обращал внимание полесского воеводы на «не только идеологические, но

и персональные связи» между виленской газетой «Наше время» и пинским «Под небом Полесья». В документе подчеркивалось, что меры по недопущению издания газеты «Под небом Полесья» в Вильно труднореализуемы, поскольку издание газеты осуществляется в белорусской типографии имени Скорины, которая контролируется белорусской христианской демократией и близкими к ней группами, включая группу бывшего сенатора и «российского монархиста» В. Богдановича [6]. Тем не менее польской администрации в начале 1932 г. удалось заблокировать издание неудобной для них газеты. Уже в первом номере «Под небом Полесья» за 1932 г. редакция, намекая на резко усложнившиеся условия работы, сообщала своим читателям о переносе печатания газеты в другую типографию и связанной с этим задержкой издания. Со второго номера «по независящим от редакции причинам» газета стала выходить неперiodически [18: 1], и, наконец, ее издание было полностью прекращено.

В одном из последних номеров «Под небом Полесья» было опубликовано обращение редакции к населению Полесья, ставшее «лебединой песней» и одновременно квинтэссенцией идейной направленности данного издания. «К тебе, народ наш русский, православный, многострадального Полесья крестьянин и рабочий, мы обращаемся! ...Помни, что ты – русский! Ты – представитель великого русского племени! Ты – носитель славного русского имени! Ты – говорящий на русском языке, одном из величайших языков славянских. Ты – православный, последователь древнейшей Восточной Церкви, основанной святыми Апостолами...» [18: 1]. В конце данного обращения редакция газеты, демонстрируя свою лояльность к государству, напоминала читателям о необходимости «быть верным Польской Республике» и честно исполнять все ее законы [18: 1]. Однако демонстрация лояльности не могла ничего изменить, поскольку судьба данного издания была решена заранее.

В конце 1932 г. в Пинске представителем местной русской общины Н. Березницким была предпринята попытка издания русской церковно-общественной газеты «Пинский голос». Первоначально планировалось издание «Пинского голоса» как ежедневной газеты, однако полесский воевода запретил выпуск газеты как ежедневника, ссылаясь на нежелательность подобного печатного органа в силу местных обстоятельств [11: 1]. Примечательно, что, как и в случае с газетой «Под небом Полесья», владельцы пинских типографий как по команде отказались от печати данной газеты, объясняя это «независящими от них обстоятельствами» [11: 1]. В итоге выпуск данной газеты, стремившейся «объединить всех русских людей на Полесьи и стать для них доступным печатным органом» [11: 1], был также прекращен

из-за противодействия местной польской администрации. При этом газета «Пинский голос» успела получить архипастырское благословение архиепископа Полесского и Пинского Александра, который охарактеризовал издание данной газеты как «доброе культурное дело» и рекомендовал духовенству и верным Полесской епархии «поддержать газету подпиской» [11: 1].

Данный скромный издательский проект в провинциальном городке Полесского воеводства стал предметом обсуждения в политических верхах Второй Речи Посполитой. В своем пространном конфиденциальном донесении министру внутренних дел в Варшаву 4 ноября 1932 г. полесский воевода В. Костек-Бернацки указывал на то, что издатель «Пинского голоса» Березницкий является убежденным русским монархистом и одним из наиболее видных представителей русской колонии в Пинске, «проводящей на данной территории вредную русификаторскую деятельность. Данная колония, – предостерегал полесский воевода, – считает Полесье исконно русским, а местное население – частью великорусского народа. В этом духе работа ведется уже ряд лет, давая со временем плоды, как, например, в случае с завоеванием в 1928 г. единственного в Польше русского мандата в Сейм в избирательном округе Пинск» [7]. «Принимая во внимание опасность русификаторской акции среди несознательного в национальном отношении местного населения, – указывал в документе полесский воевода, – я запретил Березницкому издание русской газеты в Пинске...» [7].

Издание газет на русском языке в восточных воеводствах Польши и их популярность среди населения вызывали обеспокоенность и крайне негативную реакцию польской общественности и прессы. Так, издававшаяся в Полесском воеводстве польская газета «Экспресс полески» констатировала в одной из своих статей, что «хотя на Полесьи нет русских, тут выходят издания на русском языке» [20: 1]. В ответ на попытки издания газет на русском языке польская администрация в Полесском воеводстве во второй половине 1930-х гг. активизировала попытки создания популярной «Полесской газеты» на польском языке для местного крестьянского населения, объясняя это как необходимостью распространения информации экономического характера, так и политическими соображениями. Так, представитель Полесского воеводства С. Беневски в своем обращении к Министерству сельского хозяйства откровенно писал, что при наличии «подходящей газеты» местного полешука «можно относительно легко полонизировать» [8], отмечая, что подобная газета должна иметь популярный характер и отражать специфические проблемы Полесья, поскольку «варшавские издания не отвечают запросам полесского крестьянина» [8].

Таким образом, общерусское самосознание значительной части населения восточных воеводств межвоенной Польши находило свое выражение в местной русскоязычной прессе, идейная направленность которой, несмотря на декларируемую лояльность польскому государству, являлась неприемлемой для польских властей, поскольку отстаивала идею общерусского единства. Ареал распространения русской прессы, пропагандировавшей русскую культуру и поддерживавшей общерусскую идентичность, охватывал не только такие традиционные крупные центры русской культурной жизни, как Вильно и Львов, но и небольшие провинциальные города восточных воеводств, ярким примером чему являлся Пинск. Обоснованно опасаясь растущего влияния русской прессы на восточнославянское население этнически непольских восточных провинций Второй Речи Посполитой, местные польские власти активно использовали административные рычаги для удушения и ликвидации неугодных им русских изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 136. Л. 49.
2. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 879. Л. 37.
3. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939. Л. 2.
4. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1658. Л. 40.
5. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661. Л. 60.
6. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661. Л. 30.
7. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 940. Л. 35.
8. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968. Л. 161.
9. Наша земля. Безпартийна газета нидельня. 19 styczня 1928. № 10. С. 2.
10. Наша земля. Безпартийна газета нидельня. 29 styczня 1928. № 11. С. 2.
11. Пинский голос. Еженедельный церковно-общественный орган. 11 декабря 1932. № 1. С. 1.
12. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 8 ноября 1931. № 2. С. 1.
13. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 15 ноября 1931. № 3. С. 1.
14. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 22 ноября 1931. № 4. С. 1.
15. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 6 декабря 1931. № 6. С. 1.
16. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 13 декабря 1931. № 7. С. 1.
17. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 января 1932. № 1. С. 2.
18. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 февраля 1932. № 2. С. 2.

19. Русский голос. Орган Русской Народной Организации. Львов, 26 ноября 1925. № 136. С. 1.
20. *Expres Poleski*. 13.10.1932. № 294. S. 1.
21. *Shevchenko K.* Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus // *Český lid. Etnologický časopis*. 2010. № 4. P. 383–399.
22. *Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich* (grudzień 1919). Lwów-Warszawa, 1920. 37 s.
23. *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. 189 s.

REFERENCES

1. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 9. File 136. p. 49.
2. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 879. p. 37.
3. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 939. p. 2.
4. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 1658. p. 40.
5. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 1661. p. 60.
6. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 1661. p. 30.
7. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 940. p. 35.
8. The State Archives of Brest Region (GABO). Fund 1. List 8. File 968. p. 161.
9. *Nasha zemlya. Bezpartyynaya gazeta nidel'nya*. (1928a). 19 stychnya. 10. p. 2.
10. *Nasha zemlya. Bezpartyynaya gazeta nidel'nya*. (1928b). 29 stychnya. 11. p. 2.
11. *Pinskiy golos. Ezhenedel'nyy tserkovno-obshchestvennyy organ*. (1932) 11th December. 1. p. 1.
12. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931a). 8th November. 2. p. 1.
13. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931b). 15th November. 3. p. 1.
14. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931c). 22nd November. 4. p. 1.
15. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931d). 6th December. 6. p. 1.
16. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1931e). 13th December. 7. p. 1.
17. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1932a). 7th January. 1. p. 2.
18. *Pod nebom Poles'ya. Organ russkoy mysli na Poles'i*. (1932b). 7th February. 2. p. 1.
19. *Russkiy golos. Organ Russkoy Narodnoy Organizatsii*. (1925) 26th November. 136. p. 1.
20. *Expres Poleski*. (1932) 13th October. p. 1.
21. *Shevchenko, K.* (2010) Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus. *Český lid. Etnologický časopis*. 4. pp. 383–399.

22. Anon. (1920) *Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich* (grudzień 1919) [Census of the population on the territory administered by the Civil Office of Eastern Lands (December 1919)]. Lwów-Warszawa: [s.n.].

23. Tomaszewski, J. (1963) *Z dziejów Polesia 1921-1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych* [From the History of Polesse. Outline of social and economic relations]. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Ph.D. in History, Professor, Department of Law, Head of Center for Eurasian Studies, Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com